

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ. МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО.

(РЕ)КОНСТРУКЦИЯ НАУЧНЫХ ПРАКТИК ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Материалы XVI Международной
научно-практической конференции.
14–15 декабря 2022 г.

Выпуск

15

Политехнический музей

Институт истории естествознания
и техники им. С. И. Вавилова РАН

Исторический факультет
МГУ им. М. В. Ломоносова

Университет науки и технологий
МИСИС

Ассоциация содействия развитию
научно-технических музеев
«АМНИТ»

Советская научная дипломатия и участие советских ученых в мероприятиях Международного геофизического года (1957/58)¹

Международный геофизический год (далее — МГГ), проходивший в 1957/58 гг., стал первым крупным международным научным мероприятием, в котором в послевоенное время принимали участие советские ученые. Планами МГГ предполагалось проведение масштабных наблюдений за физическими процессами, происходящими в земной коре, океанах и атмосфере Земли [1]. Исследования планировалось проводить на территории Арктики и Антарктики, что делало для мирового научного сообщества желательным привлечение к участию в проекте советских ученых. Советское правительство в свою очередь также проявило большой интерес к участию в МГГ, что объяснялось желанием использовать это мероприятие для упрочнения своих позиций в международных научных организациях и поднятия престижа советской науки на международной арене.

В 1953 г. Академия наук СССР получила приглашение от британского геофизика Сиднея Чапмена, возглавляющего

организационный комитет МГГ, принять участие в этом мероприятии. Чапмен считал, что создание мировой сети геофизических и астрономических станций невозможно без советского участия. Именитый ученый в своем письме к руководству Академии наук СССР писал: «Советская страна настолько обширна, что невозможно представить себе организации мировой сети геофизических и астрономических станций без вашего участия. Я убежден, что вы не откажете в этом участии Специальному комитету, который сумеет высоко оценить ваше мнение, и что Академия наук СССР пожелает организовать свой Национальный комитет по проведению Геофизического года и направить делегатов в Специальный комитет» [2, л. 19].

В Академии наук СССР координацией участия советских ученых в мероприятиях МГГ занималось Отделение геолого-географических наук. 2 августа 1954 г. постановлением президиума АН СССР был создан комитет по подготовке к МГГ,

¹Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-78-10095 «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970 гг.)».

который возглавил директор Геофизического института, академик Г. А. Гамбурцев. В состав комитета вошли представители Института радиотехники и электротехники, Главного управления гидрометеорологической службы, Министерства связи и Министерства морского и речного флота СССР [3, л. 3].

С этого времени советские ученые стали участниками многочисленных международных совещаний по проведению МГГ. Например, член-корреспондент АН СССР В. В. Белоусов, привлеченный к обсуждению научной программы МГГ, отстаивал включение в нее исследований природы земных токов, гравиметрии и сейсмологии. Глава организационного комитета МГГ С. Чапмен в своем ответе на предложения В. В. Белоусова выразил надежду получить готовую программу исследований, предлагаемую учеными из СССР в рамках мероприятий МГГ [4, л. 1].

25 октября 1954 г. президент Академии наук СССР А. Н. Несмиянов в ответном письме отблагодарил Чапмена за предоставление СССР двух мест в Специальном комитете по проведению МГГ (далее — СК МГГ). 9 ноября 1954 г. председатель Межведомственного комитета СССР по МГГ Г. А. Гамбурцев сообщал в Геофизический институт, что в Специальный комитет были направлены заместитель начальника Главного управления Гидрометслужбы Ф. Ф. Давитая и член-корреспондент АН СССР А. М. Обухов. Обе кандидатуры были согласованы с начальником Главного управления Гидрометслужбы СССР А. А. Золотухиным [2, л. 105].

27 ноября 1954 г. привлеченный к разработке программы научных исследований заведующий кафедрой метеорологии и климатологии географического факультета Московского университета С. П. Хромов в своем отзыве о проекте программы научных исследований и форм участия СССР в Международном геофизическом годе по разделу «метеорология» писал, что «намеченные выше мероприятия, хотя, конечно, потребуют и времени, и денежных затрат (без того и другого МГГ вообще провести нельзя), но характерны тем, что они настоятельно необходимы для советской науки и гидрометеорологической службы; не только в период МГГ, а вообще необходимы» [4, л. 10].

С. П. Хромов полагал, что отсутствие этих мероприятий при быстром развитии наблюдательной метеорологии за рубежом приводит советскую метеорологию к отставанию. Он отмечал, что советское участие в мероприятиях МГГ потребует значительных денежных затрат. Однако при этом следовало исключить расходы на создание метеорологических станций у экватора, которые и так были бы созданы без советского участия. Территория Арктики, по мнению С. П. Хромова, должна была быть охвачена советскими метеорологическими станциями, так как «...на нашей территории никто кроме нас расширять наблюдения не будет. На то и международное сотрудничество, чтобы делить работу целесообразно и не метаться по всему земному шару» [4, л. 10].

Вопрос о создании советских метеорологических станций на территории Антарктиды, по мнению С. П. Хромова, был гораздо сложнее, так как большое вложение средств могло окупиться закреплением прав Советского Союза на антарктические территории. Он также считал, что применение «корабля погоды» на Баренцевом море нецелесообразно, так как синоптический режим этого моря неплохо освещается

наблюдениями береговых станций. Отправка советского «корабля погоды» в Индийский океан будет стоить дорого и вряд ли себя оправдает при наличии многих более необходимых задач на нашей собственной территории [4, л. 15].

В рамках планирования МГГ советские ученые обсуждали с зарубежными коллегами проведение исследований в Антарктиде. Для этого с 7 по 17 июля 1955 г. в Париж был командирован В. В. Белоусов. В противовес позиции представителей США он отстаивал позицию о равном участии всех стран в работе Центрального бюро погоды, а также допуске к картографическим и техническим материалам, которым будут обмениваться страны — участницы проекта [2, л. 227].

Большое значение с точки зрения проведения научной дипломатии имело решение практических вопросов, например организации центров хранения данных. В 1955 г. представители Всемирной метеорологической организации во время обсуждения этого вопроса в Брюсселе рекомендовали иметь два равноправных центра хранения и распространения материалов метеорологических наблюдений — в Швейцарии и в СССР [5, л. 29]. Рабочая группа по геомагнетизму высказалась за организацию четырех мировых центров обработки данных на территории США, Дании, Австралии и СССР. По мнению участников совещания, для хранения данных, полученных во время МГГ, необходимы были, по меньшей мере, два центра в различных странах.

В 1957 г. шло создание такого центра в Новосибирске, где к концу года помимо хранилища данных планировалось открыть библиотеку, зал для работы посетителей, счетную фабрику, фотолабораторию, печатный цех и переплетную мастерскую. Для оснащения центра хранения данных потребовалось приобрести дорогостоящий «докуматор-аппарат» для фотокопирования, который ожидался только к концу 1957 г. До этого копирование документов проводилось в Главном архивном управлении МВД [5, л. 30; 3, л. 1]. 12 августа 1957 г. об организации центра обработки данных было доложено министру связи СССР Н. Д. Псурцеву. Закупка оборудования согласно смете производилась на 348 тыс. руб., а штат центра включал бы девять человек. Н. Д. Псурцев дал распоряжение выделить необходимые средства и оформить штат [3, л. 1–2].

С 29 июня по 9 августа 1958 г. в Москве проходила V Ассамблея СК МГГ. В ходе заседаний участники решили продлить период наблюдений по программе МГГ на следующий год, присвоив ему наименование «Международное геофизическое сотрудничество — 1959 г.». На ассамблее было определено, что с 1 июля 1959 г. деятельность СК МГГ прекратится, а руководство продолжающимися наблюдениями перейдет к вновь созданному Комитету по использованию результатов МГГ (далее — КИР МГГ) [6, л. 1].

Важным элементом международного сотрудничества в рамках МГГ была выработка единой позиции советских участников программы с коллегами из социалистических стран. 29–30 января 1958 г. в Польше проходила встреча геофизика Ю. Д. Буланже с генеральным секретарем Национального комитета по проведению МГГ Польши Стефаном Манчарским. Вопросы выработки единой позиции социалистических стран — участниц МГГ рассматривались Ю. Д. Буланже на совещании с генеральным секретарем Национального комитета по проведению МГГ в Венгрии профессором Эгедом.

Во время этих встреч договорились снять научно-популярные фильмы, которые бы рассказывали о сотрудничестве социалистических стран во время проведения МГГ. В фильмах бы подчеркивалась важность координации наблюдений при участии в МГГ Польши и Венгрии. К съемкам планировалось привлечь советских кинооператоров, которым помогали бы польские и венгерские коллеги [7, л. 5–7].

В это же время шла борьба советских и американских ученых за использование результатов МГГ. В октябре 1959 г. на генеральной ассамблее Международного совета научных союзов (далее — МСНС, англ. International Council of Scientific Unions) в Вашингтоне американские ученые отстаивали необходимость продолжать исследования в области геофизики специальными комитетами. В. В. Белоусов полагал, что подобная позиция американских ученых была связана с их доминированием в специальных комитетах, тогда как в Международном совете научных союзов их позиции были значительно слабее.

На совещании в Вашингтоне было принято компромиссное решение о создании с 1 июля 1959 г. Специального комитета по межсоюзному сотрудничеству в области геофизики (далее — СКГ). Однако усилиями американских ученых на генеральной ассамблее МСНС было проведено решение организовать специальные комитеты по океанографии и по изучению Антарктики, а также рекомендовано создать специальный комитет по изучению космического пространства. Управление создаваемыми комитетами и выработка программы их исследований изымались из полномочий СК МГГ.

С 18 по 22 мая 1959 г. в Париже проходило заключительное совещание специального комитета по Международному геофизическому году, где обсуждались задачи, стоящие в связи с окончанием наблюдений по программе МГГ: необходимость обеспечить сбор, обработку и публикацию результатов наблюдений, а также найти формы продолжения международного сотрудничества в геофизике. Участвующий в совещании В. В. Белоусов считал, что для продолжения сотрудничества советским участникам следует согласовать свою позицию с представителями Международного совета научных союзов и американскими геофизиками. В результате был создан Специальный комитет по сотрудничеству в геофизике, который начал свою работу 1 июля 1959 г., а Специальный комитет по МГГ прекратил свою деятельность [6, л. 1].

В феврале 1959 г. В. В. Белоусов приехал в Швецию. Целью его поездки было обсуждение с генеральным секретарем Международного совета научных союзов Н. Герлофсоном сотрудничества в области геофизики после МГГ. Встреча с Герлофсоном проходила 23–24 февраля 1959 г. в помещении Института электроники Королевской высшей технической школы в Стокгольме. Ученые достигли договоренности о том, что СКГ должен координировать работу не только научных союзов, но и других специальных комитетов. Была также подтверждена желательность продолжения работы мировых центров хранения данных для обмена информацией между геофизическими центрами [6, л. 3].

В начале апреля 1959 г. в Кембридже состоялось заседание Бюро Международного совета научных союзов. На нем без всякой ссылки на ранее указанное решение

генеральной ассамблеи МСНС была принята рекомендация, согласно которой СКГ должен немедленно передать свои функции руководящему комитету по Международному сотрудничеству в геофизике, который планировалось сформировать из президентов шести международных научных союзов, занятых проведением наблюдений в составе МГГ. Предполагалось, что группа докладчиков по дисциплинам МГГ сохранится при этом комитете. Указанная рекомендация была направлена исполнительному комитету МСНС, который должен был ее рассмотреть во время ближайшего совещания осенью 1959 г. [6, л. 4].

Борьба советских и американских ученых за продолжение исследований силами специальных комитетов или научными союзами обсуждалась президиумом АН СССР. Было принято решение добиваться того, чтобы вся деятельность, касающаяся завершения МГГ / МГС, использования и публикации результатов МГГ, была максимально быстро передана Международному геодезическому и геофизическому союзу, идея создания руководящего комитета из президентов союзов должна быть отвергнута, а мировые центры данных следует сохранить в качестве постоянных учреждений как основу для дальнейшего сотрудничества. Странам рекомендовалось объединить свои комитеты МГГ с национальными комитетами МГГС, в рамках которых было необходимо продолжить сотрудничество.

Участие советских ученых в исследованиях, проводимых под эгидой Международного географического года, можно оценивать как удачный пример советской научной дипломатии. При этом определяющей целью была не только демонстрация за рубежом высокого уровня советской науки, но и вхождение советских ученых в руководство таких крупных научных организаций, как Международный совет научных союзов, Всемирная метеорологическая организация, Международный астрономический союз и т.п. Лидерство советских ученых в этих организациях подкреплялось возможностями государства финансировать приобретение дорогостоящего оборудования, создавать такие объекты научной инфраструктуры, как полярные станции или «суда-погоды». Создание научных станций в Антарктиде мыслилось советскими учеными как способ закрепления за СССР этих необжитых пустынных территорий.

Вместе с тем советским ученым приходилось отстаивать свою ведущую позицию при проведении исследований по программе МГГ посредством своего представительства в таких международных научных организациях, как Международный совет научных союзов, Всемирная метеорологическая организация, Международный астрономический союз. Ответом ученых из западных стран в этом противостоянии стало стремление перевести исследования по программе МГГ под эгиду специальных научных комитетов. В них позиции западных ученых были гораздо сильнее, поэтому они могли формировать программу наблюдений и обработки данных сообразно своим потребностям. Становилось также возможным ограничить передачу ученым из социалистических стран таких данных, как, например, прозрачность атмосферы для различных диапазонов радиоволн, которые могли бы использоваться с военными целями.

Источники и примечания

1. Собисевич А. В. Участие советских ученых в мероприятиях международного геофизического года (1957–1958) // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2022. Труды XXVIII Годичной научной конференции Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. М., 2022. С. 245–249.
2. Архив РАН. Ф. 579. Оп. 3. Д. 481.
3. Архив РАН. Ф. 683. Оп. 1. Д. 3.
4. Архив РАН. Ф. 683. Оп. 1. Д. 1.
5. Архив РАН. Ф. 683. Оп. 1. Д. 2.
6. Архив РАН. Ф. 683. Оп. 1. Д. 16.
7. Архив РАН. Ф. 683. Оп. 1. Д. 12.

Гао Сюли

Академический обмен между СССР и КНР в 1950–1960 гг.: механизмы продвижения советских образовательных практик*

* Доклад представлен тезисами.

После Великой Отечественной войны СССР стал доминирующим игроком на мировой арене, лидируя во всех аспектах, включая образование. По мере становления мировой системы социализма Советский Союз расширял экспорт своих культурных моделей и образовательных практик. Одной из стран-реципиентов в этом культурном трансфере была молодая Китайская Народная Республика.

1949–1951 гг. стали периодом зарождения, а 1952–1957 гг. — расцвета китайско-советских образовательных связей. В этот «медовый месяц» отношений

между двумя странами китайско-советские образовательные связи постепенно достигают своей кульминации. В 1952 г. руководство КНР выдвинуло лозунг: «Всесторонне, полностью и систематически изучать советский передовой опыт». Как писал известный китайский писатель и педагог Го Можо, «советский народ — наш учитель, а мы — ваши ученики, мы хотим, чтобы вы запомнили, мы хотим стать хорошими учениками».

С целью ускоренного освоения советских образовательных практик в Китае создавались специальные школы русского